

Глава 12: Избиение

После нескольких разговоров между двумя детьми они, безусловно, оставили свои переживания позади. Посмотрев Путешествие на Запад, они вместе повели Сяогао в деревню на прогулку. По дороге в деревню они столкнулись с группой грязных детей, и Шэнь Цзицзе встретился с ними взглядом и кивнул им головой.

Обычно он казался довольно отчужденным посторонним, но только те, кто хорошо его знал, считали обратное.

Они вдвоем пошли по тропинке вдоль берега реки, и когда Шэнь Цзицзе увидел реку с чистой водой, он почувствовал себя воодушевленным. Он записался в кружок по плаванию и плавал достаточно хорошо. Теперь, когда на реке никого не было, а погода стояла жаркая, он захотел проплыть несколько кругов.

Но он не взял с собой плавки... Он стоял под ивой у реки и не решался пойти.

Собака, которая следовала за ним, не испытывала таких забот и потому бросилась к реке с высунутым языком, плюхнулась в воду и счастливо поплыла.

“Ты хочешь поплавать в реке?” Лу Жун наблюдал за происходящим со стороны.

Шэнь Цзицзе оглянулся и что-то пробормотал в знак подтверждения.

Лу Жуну тоже стало жарко, его лоб покрылся потом, а лицо покраснелось, но он все равно предупредил его: “Дедушка запретил мне спускаться к реке одному, он должен сопровождать меня”.

“Он запретил спускаться к реке тебе, но он не сказал, что мне нельзя этого делать. Кроме того, я иду вниз к реке за идеями.” Шэнь Цзицзе взглянул на него.

Лу Жун открыл рот, казалось, считая, что это утверждение было не верным, но не знал, как его опровергнуть, поэтому только сказал: “Не ходи в реку один. В ней легко утонуть.”

Шэнь Цзицзе не решался, потому что не взял с собой плавки, но был необъяснимо спровоцирован этими словами, посмеясь он сказал: “Ты знал, что у меня есть награды за плавание? Я утону? Это какая-то шутка.”

Сказав это, он снял футболку, шорты и кроссовки, положил их на валун рядом с собой и вошел в реку в нижнем белье.

“Ты все еще в трусах”. - напомнил ему Лу Жун.

Сердце Шэнь Цзицзе уже колотилось в холодной воде, ему не терпелось выяснить кое-что, поэтому он больше ничего не говорил.

Река казалась маленькой, она была глубокой лишь посередине, но вода была кристально чиста. Когда Шэнь Цзицзе наклонился и вошел в воду, он почувствовал мгновенное облегчение, и горячий летний воздух вокруг него, казалось, рассеялся.

Он снова и снова плавал баттерфляем, вольным стилем и на спине, притворяясь, что равнодушно смотрит в сторону берега, и увидев, что Лу Жун смотрит на него, он почувствовал еще большую гордость и даже поднял руки только для того, чтобы наступить на воду только ногами.

“Давай, спускайся, вода очень спокойная”. Шэнь Цзицзе вытер воду с лица и указал пальцем на Лу Жуна. Мальчишеское лицо уже было очень красивым и имело идеальный профиль.

У Лу Жуна уже чесались руки, и после нескольких секунд колебаний он решил проигнорировать инструкции дедушки Цая и разделся догола в три приема. Дедушка Цай воспитал его щепетильным, в отличие от деревенских детей, которые летом часто бегали босиком. После того, как он снял сандалии и ступил на камни, стало очень жарко, потому он делал только маленькие шажки.

Шэнь Цзицзе видел, как он осторожно шел, обнаженный, с поднятыми обеими руками, держась за свой белый мягкий живот.

“Ты умеешь плавать?” Он не мог удержаться, чтобы не крикнуть Лу Жуну.

“Да, дедушка научил меня”. Лу Жун подошел к реке, робко ступил в воду и прошипел: “Холодно”.

“Когда ты залезешь в воду, тебе не будет холодно”. Шэнь Цзицзе боялся, что он снова вернется обратно на берег, а плавать одному было неинтересно.

Сяогао заплыл далеко, и когда он увидел, что его хозяин входит в воду, он поспешно поплыл обратно.

Лу Жун, наконец, прыгнул в воду, руками и ногами подплывая к Шэнь Цзицзе.

Там, где был Шэнь Цзицзе, было не слишком глубоко, только по грудь. Он стоял в воде, наблюдая за Лу Жуну, и не мог удержаться от смеха: “Ты и Сяогао плаваете одинаково”.

Лу Жун держал обе руки и ноги под своим телом. Действительно, он был таким же, как большая желтая собака рядом с ним, и дедушка Цай научил его плавать без стандартной позы, единственное требование, которое у него было, — это плавать.

Он подплыл к Шэнь Цзицзе и встал вслед за ним, но, в то время как вода доходила только до груди Шэнь Цзицзе, она достигла его макушки.

Бульк, бульк.

Застигнутый врасплох, Лу Жун отпил несколько глотков воды, на поверхности которой плавало несколько пузырьков.

Шэнь Цзицзе попытался схватить его за руку и поднять, оттащив мальчика на более мелкое дно, чтобы он мог встать.

Кхе, кхе, кхе.

Лу Жун поперхнулся и некоторое время кашлял, его нос и глаза покраснели.

Шэнь Цзицзе подождал, пока он закончит кашлять, и сказал: "Я только что спас тебе жизнь, понимаешь?"

"Хм?" Лу Жун был немного сбит с толку. Считалось ли это спасением его жизни?

"Если бы я не поднял тебя прямо сейчас, ты бы захлебывался и тонул в воде, и в конечном итоге утонул бы".

Лу Жун думал, что он просто бы выплыл и не утонул, поэтому он просто сказал: "...О".

"Тебе нельзя плыть туда, где глубоко, просто плавай здесь". Шэнь Цзицзе поставил его в место, где он мог стоять.

"Хорошо."

Шэнь Цзицзе был удовлетворен, и, посмотрев на него еще некоторое время, он вдруг открыл рот и спросил: "Почему ты такой бледный?"

Сам он редко загорал, его кожа была довольно бледной, но Лу Жун был еще бледнее по сравнению с ним, и на солнце его кожа была немного сияющей.

"Я не знаю, я всегда был таким". Лу Жун тоже посмотрел на себя сверху вниз и прижал обе руки к розовой точке на груди: "Смотри, теперь она вся белая".

Шэнь Цзицзе был ошеломлен, внезапно немного смутившись, он повернул голову, чтобы заплывать поглубже, и сказал: "Оставайся здесь, не подходи".

"Понял". Лу Жун играл с Сяогао на мелководье или плавал, держа обе руки и ноги в воде, в пределах, установленных Шэнь Цзицзе.

Время от времени он поглядывал на Шэнь Цзицзе, наблюдая, как тот использует высокие камни на берегу реки и прыгает в воде. Или ныряет под воду и выныривает через мгновение, волосы зачесаны назад, открывая лоб, а на лице блестят капельки воды на солнце.

"Сяо Гао, разве он не хорошенький?" Лу Жун обхватил мокрую собачью голову руками и тихо спросил рядом с его ухом.

Сяогао вскинул голову, капли воды разлетелись во все стороны.

"Я думаю, что он выглядит лучше, чем все, кого я когда-либо видел". Утвердительно сказал Лу Жун.

Когда Лу Жун повернул голову, он заметил, что Шэнь Цзицзе исчез, и решил, что он снова ныряет, поэтому он терпеливо наблюдал за водой и ждал.

Шэнь Цзицзе выглядел лучше всего, когда только выходил из воды.

Но на этот раз, после некоторого ожидания, его сердце начало биться в панике, а Шэнь Цзицзе по-прежнему не было видно.

Шэнь Цзицзе погружался под воду, задерживая дыхание, срывая несколько водяных растений, овившихся вокруг его лодыжек. Но эти водные растения были необычайно гибкими, и он не мог их сорвать. Дыхание, задержанное в его легких, начинало причинять боль.

Он был встревожен, его руки тянули без разбора, но водяные растения запутывались все туже и туже. Началась паника, и его руки и ноги стали слишком слабыми, чтобы применять силу.

Когда его сознание померкло, Шэнь Цзицзе посмотрел вверх и увидел свет, пробивающийся сквозь воду, в ушах у него зазвенело. Он думал, что его родители будут опустошены, если он утонет, и его одноклассникам будет стыдно узнать, что он утонул после начала занятий...

Он увидел в воде белого оленя, плывущего к нему с красными полосатыми копытами, рассекающими свет и тьму воды, и двумя похожими на картофелины серебряными рогами, сияющими светлыми пятнами на макушке его головы.

Это все еще был сон...

Разум Шэнь Цзицзе обдумал эти слова, а затем полностью потерял сознание. Его руки и ноги были вытянуты, а тело легко плавало в воде.

Лу Жун, превратившийся в оленя, быстро подплыл к нему и использовал свой рот, чтобы схватить край его нижнего белья, чтобы вытащить его на поверхность. Потаскивая несколько раз безуспешно, он заметил водяные растения вокруг его лодыжек.

Он снова нырнул и зубами разгрыз водяные растения, затем вытолкнул мальчика из воды на берег. Сяо Гао бродил по воде и тревожно лаял, пока плыл. Когда он увидел Лу Жуна, он подплыл и нежно лизнул оленьи рога.

Лу Жун только вытолкнул Шэнь Цзице на мелководье, когда заметил жителей деревни, проходящих мимо реки.

Он погрузился в воду, превратился в голого ребенка, а когда вынырнул снова, закричал: "Дядя, кто-то утонул! Дядя, помоги! Кто-то тонет..."

Шэнь Цзице только что вытащили, и как раз в тот момент, когда сельский житель хотел повесить его вниз головой на спине осла, чтобы выплюнуть воду, и когда осел подошел, он открыл глаза.

Он увидел Лу Жуна, чье лицо было залито слезами, склонившегося над его головой, рыдающего и смаргивающего слезы, плачущего и спрашивающего: "Ты умер? Ты действительно умер?"

"Я еще не умер". Шэнь Цзице закончил говорить на одном дыхании и начал задыхаться и кашлять.

Житель деревни тоже вздохнул с облегчением: "Ты плохой ребенок, что, если бы ты действительно утонул? Каждый год река уносит с собой несколько детей, а в этом году этого еще не произошло. Ты только что почти стал первым. К счастью, Лу Жун был с тобой."

Он знал только то, что Лу Жун спас Шэнь Цзице и не видел олененка.

Шэнь Цзице медленно сел и встал. Лу Жун подошел помочь ему и поблагодарил жителя деревни. Когда сельский житель увидел, что все в порядке, он дал ему несколько наставлений и увел осла.

Двое детей были немного напуганы после только что произошедшей сцены, они сидели плечом к плечу на камне и замерли, в то время как собака лежала рядом с ними, греясь на солнышке.

Несколько мгновений спустя Шэнь Цзице, все еще немного бледный, повернул голову и хриплым голосом объяснил Лу Жуну: "На самом деле я хороший пловец, но я просто запутался ногами в водных растениях".

Лу Жун шмыгнул носом и прошептал: "Хм".

“Ты не веришь?”

“Я верю”.

Шэнь Цзицзе подумал, что он все же был спасен им, поэтому поколебался и сказал: “Конечно, ты тоже хорошо плаваешь”.

Лу Жун вяло охнул.

“Спасибо”.

"Ой."

“Отныне ты мой брат и я прикрою тебя, если что-нибудь случится”. Шэнь Цзицзе протянул ему левую руку.

"Ой." Взгляд Лу Жуна упал на его запястье и обнаружил там ярко-красную родинку размером с рисовое зернышко, и подсознательно посмотрел на нее дважды.

“Это моя счастливая родинка, благодаря нее я не утонул”. Шэнь Цзицзе увидел, что он не знает, как пожимать руки, поэтому он схватил его за руку и дважды пожал ее.

Лу Жун приподнял уголки рта, думая: "Очевидно, это я спас тебя, а не твоя счастливая родинка".

После того, как они оделись и пошли домой, дверь во двор открылась, и дедушка Цай вошел с мрачным лицом, прежде чем сесть на некоторое время. Как только Лу Жун увидел выражение лица дедушки Цая, он понял, что тот слышал о случившемся и вернулся, чтобы разобраться с ними.

“Вы двое, встаньте во дворе!” Сердито крикнул дедушка Цай.

Лу Жун медлил и не вставал, но Шэнь Цзицзе чувствовал себя действительно виноватым, поэтому он вышел и дисциплинированно встал во дворе.

“Я сказал тебе выйти, чего ты медлишь?!” Дедушка Цай снова закричал на Лу Жуна.

Лу Жун вздрогнул и больше не осмеливался сидеть спокойно, поэтому он вышел и встал рядом с Шэнь Цзицзе.

Дедушка Цай прошел прямо на кухню и снова вышел с ложкой в руке.

Прежде чем Шэнь Цзицзе успел отреагировать, Лу Жун, который был рядом с ним, выбежал и обнял дедушку Цая за талию под карнизом, скорбно крича: “Дедушка! Дедушка! Я был неправ, я не посмею сделать это снова!”

Дедушка Цай другой рукой обнял его за плечи: “Уходи, встань во дворе”.

У Лу Жуна потекли слезы, но он вцепился в талию дедушки Цая: “Дедушка! Дедушка! Я был неправ! Твой добрый внук не посмеет сделать это снова!”

Дедушка Цай не мог оторвать свою руку, поэтому он просто пошел вперед и две ноги Лу Жуна волочились по земле, но он не отпускал руки. Дедушка Цай настоял на том, чтобы пройти еще два шага, затем, наконец, остановился и со злостью посмотрел на Лу Жуна сверху вниз.

Лу Жун тайком поднял голову и взглянул на него, и с криком упал, сидя на земле и обнимая икру дедушки Цая, плача и потирая лицо: “Дедушка, я был неправ, я действительно был неправ”.

“Вставай”.

” Я не встану”.

Лу Жун еще несколько раз поцеловал его в икру и, рыдая, сказал: “Я больше никогда не буду тайком спускаться к реке, обещаю...”

Увидев, как он вот так выплескивает свою смелость, гнев дедушки Цая немного поутих, на его лице появилась безысходность, и он глубоко вздохнул. Лу Жун воспользовался возможностью, чтобы осторожно поднять руку, немного вытащил ложку из его руки и бросил ее в угол двора.

Собака на стороне подумала, что это игра, и бросилась вперед, чтобы поймать ложку, и радостно побежала к своему молодому хозяину, отчаянно размахивая хвостом.

“Сначала встань на краю двора”. Дедушка Цай вытянул палец и указал на стол для стирки белья.

Глаза Лу Жуна загорелись, он знал, что избиение будет отменено и что он будет наказан только стоя. Он быстро вскарабкался наверх и позвал протяжным, плаксивым голосом: “Дедушка~”

Шэнь Цзицзе все еще стоял посреди двора, с изумлением наблюдая за происходящим.

Его родители редко били его, но каждый раз, когда они это делали, это всегда было тяжело, и его задница была покрыта следами от палки. И даже если бы это было больно, он бы не сказал

ни слова, не говоря уже о том, чтобы молить о пощаде.

Для мужчин избиение ничего не значило, просить о пощаде было еще унижительнее. Даже неукротимый Сяо Юн бегал по дому, преследуемый родителями с тапочками, чтобы получить пощечину. Как мог Лу Жун опуститься до такого уровня?

Он не только побежал, но и наклонился так низко, чтобы потереться, поцеловать и тихо крикнуть "Дедушка! ".

Совершенно бесхребетный.

...Но действительно эффективно, да?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326841>